

Голгофа археолога Зыбина

ГАСТРОЛИ Алма-Атинского Академического русского театра имени М. Ю. Лермонтова открылись спектаклем по роману Юрия Домбровского «Факультет ненужных вещей».

Признаться, сегодня никого не удивит оперативностью инсценировки прозы, тем более романа, вызвавшего такой горячий отклик читательской аудитории. Однако в данном случае обращение театра к роману вызвано не просто стремлением привлечь зрителя острой темой. Это — своеобразная дань памяти человеку, чье имя связано с историей коллектива. В Алма-Ате его хорошо знали и любили.

Художник Роберт Акопов стремится воссоздать на сцене скорее время, нежели место действия. Тридцатые годы с их белыми гипсовыми вазами во дворах и парках культуры, с руинами разрушенных храмов и сторожевыми башнями лагерных вышек. Однако реальные приметы времени органично уживаются на сцене с еудом Святой инквизиции, с мучениями Голгофы. Перед нами — драма мысли. Драма борьбы свободного человеческого духа с абсурдным стремлением власти подчинить себе святая святых человека — его душу.

— Рубен Суренович, — обратилась я с вопросом к художественному руководителю театра, заслуженному артисту Казахской ССР Андиясану. — как рождался этот спектакль?

— Когда мы узнали, что «Новый мир» готовит публикацию романа, сразу обратились с просьбой к вдове писателя Турумовой-Домбровской, и она любезно предоставила нам парижское издание романа в рукописи. Нужно знать биографию писателя, чтобы понять, чем он был для Алма-Аты и, в частности, для нашего коллектива. И чем была для него Алма-Ата... Москвич, в Алма-Ату он приехал в 1932 году, получив «вид на жительство». Работал в школе. В театральной студии при нашем театре преподавал историю искусства. В спектакле «Факультет ненужных вещей» занят его ученик, заслуженный артист Казахской ССР Евгений Попов, он играет роль Кутарга.

Работал Домбровский у нас и в республиканском этнографическом музее. Именно из Алма-Аты отправлялся он в свои очередные отсидаки... В романе много от горькой судьбы самого автора.

— Помогало вам в работе над спектаклем то, что роман во многом биографичен?

— Вы знаете, в первую очередь театр хотел уйти от реального лица, от биографии. Нам кажется, что это бы сузило проблематику постановки. Хотя соблазн, конечно, был. Мы знали Домбровского как личность яркую, интересную во внешних проявлениях, своеобразную в суждениях. Пройдя круги ада, он мог с юмором

писать своему другу, лыпе профессору Александру Лазоревичу Жовтису: «Саша, наверное, я проходимец, все-таки выжил».

— Вероятно, самый сильный соблазн испытывал исполнитель главной роли артист Геннадий Федоров?

— Да, несомненно. И хотя мы с этим боролись, иронический склад характера Юрия Домбровского через его литературу не мог не повлиять на образ, созданный артистом. Хотя не скрою, сначала я артист шел от внешних проявлений реального человека. Во всяком случае друзья Домбровского говорят, что похуже.

— Вероятно, именно желание обобщить происходящее в романе заставляло вас отказываться от этнографических подробностей изображения места действия?

— Да, нас многие упрекали и до сих пор в этом упрекают, ведь действие романа тесно связано с Алма-Атой. Многим казалось, что необходим спектакль на местном материале. Но ям, как я уже говорил, хотелось вывести проблему за рамки конкретного места и этим усилить философское звучание постановки. Могу добавить, что для театра эта работа очень дорога, и работали мы над спектаклем максимально тщательно, об этом говорят хотя бы тот факт, что лишь сельбой вариант пьесы был принят у драматурга Юрия Егорова.

ОТКАЗАВШИСЬ от легких лавров публицистического повтора передовиц, театр попытался вывести проблему на философский уровень, пошел в глубину романа. Вот почему перед внутренним взором героя возникает видения Голгофы, средневековых судилищ. Вот почему, повинуясь мысли, оживает портрет «вождя всех народов».

Автор пьесы Юрий Егоров стремится максимально сохранить канву произведения. Практически все значительные эпизоды романа, особенно эпизоды, связанные с судьбами людей, прошедших через лагерную жизнь, находят свое отражение в пьесе и спектакле. К несомненным успехам постановки можно отнести работы народных артистов Казахской ССР Льва Темкина (он играет Будло) и Юрия Померанцева (в спектакле — Каландаршвили). Их герои — временные сокамерники Зыбина не только учат его премудростям тюремного бытия, но и науке сохранения человеческого достоинства.

Домбровский, а вместе с ним и театр предлагают нам не рождественскую сказку о чудесном спасении из рук НКВД, перед нами — размышление о бессилии произвола временщиков перед торжеством идеи. Вот тут и возникает возможная аналогия с библейским сюжетом. Ведь золотая дядема, которую пытается спасти от вечноплатных

рук следствия археолог Зыбин, это не просто археологическая находка, это бесценная память народа о своем прошлом.

Трудная задача ложится на плечи исполнителя главной роли артиста Геннадия Федорова. Он должен донести до нас не только душевное состояние своего героя, но и физическое состояние человека, прошедшего не один день в камере на цементном полу. Зыбин измучен физически, но не сломлен морально. Как передать артисту все это, тем более что он находится на сцене на протяжении всего действия. И Геннадий Федоров находит верный тон — по мере развития действия он смотрит на происходящее, как бы со стороны наблюдая фантастическую абсурда. Его ошущает от бессонницы глаза, взъерошенные бело-брысье волосы, распашутая на груди рубаха со срезанными пуговицами, хлюпающие безшнурков ботинки — все эти внешние приметы заключенного отступают на второй план, когда мы видим неожиданную улыбку, адресованную мучителям. Улыбку человека, уверенного в своей конечной правоте.

Историческое сознание народа, его духовность противопоставят бездушной машине разрушения личности. Противостоят и побеждают. Пусть не сразу, не тогда, в далеких тридцатых, пусть сегодня, но хочется верить — навсегда.

И. ОБРАЗЦОВА